Текст · 18 марта 2022, 10:58
Ирина Воронина,

«Дедушка, ты знаешь, что мой домик разрушила ракета? У меня теперь нету домика». Рассказ телеоператора, заставшего в Бородянке первые дни войны

Украинский телеоператор Сергей Килимник жил в Бородянке — поселке в 50 км Киева, куда российские войска вошли в первый же день вторжения. Он провел там около недели, снимая бои, разрушения и колонны бронетехники, а потом уехал с семьей в эвакуацию. Килимник рассказал «Медиазоне» о том, что происходило в Бородянке, и как сейчас живут беженцы на западе Украины.

Я 25 лет работаю на телеканале «Интер» телеоператором. Все это время я жил в Бородянке — 35 км до Киева. 2 марта я уехал из родного дома по той причине, что Бородянка разрушена и там оставаться нельзя — нет ни света, ни воды, ни газа, и кадыровцы шарахаются по улицам.

Сейчас я с семьей нахожусь в Винницкой области, под городом Немиров. Напряжение тут чувствуется, но тут хотя бы не стреляют постоянно, как в Бородянке. Люди из больших городов едут на запад Украины, в села, чтобы выжить. Местные жители принимают беженцев, помогают. Но если говорить о Киевской области, то там села и маленькие города — Бородянку, Бучу, Ирпень, Гостомель — почти сравняли с землей. Потому что это дорога к Киеву, через них шли танковые колонны, БМП, установки «Град».

«Они так и шли: одна башня повернула пушку направо, другая налево — и стреляли по домам»

24 февраля я ночевал у себя дома в Бородянке, а 24-го утром выехал на работу в Киев. Ехал 4 часа — на дороге были большие пробки, из Киева на запад Украины уезжали люди, все заправки были заполонены машинами. Я приехал на работу, отработал, подумал, что лучше на ночь остаться, чтобы наутро опять в пробке не стоять. Но 25 февраля с утра я услышал, что в Иванковский район — туда, где Чернобыльская АЭС — заходят российские танковые колонны.

Фото: Сергей Килимник

Я понял, что надо ехать в Бородянку к семье и что-то решать. Долго выезжал из Киева, дороги были все так же переполнены. К середине дня я был в Бородянке,

пошел в военкомат. Хоть я и не служил, но хотел взять оружие. Но оружие закончилось — много было людей, желающих встать под ружье. Я тогда понял, что раз не могу помогать Украине с оружием в руках, буду снимать и показывать всему миру, что тут происходит.

Фото: Сергей Килимник

27-го февраля через Бородянку пошла первая танковая колонна со стороны Иванково, из Белоруссии. Это были российские войска, похожи на бурятов. Я снимал их из окна, у меня хороший зум, видны лица. На танках у них была буква V. Наши потом говорили, что у тех, кто заходил со стороны Белоруссии, было обозначение V, а у тех, кто со стороны России, — Z.

Фото: Сергей Килимник

Эта первая колонна через Бородянку пройти не смогла, наши — то ли тероборона, то ли ВСУ — забаррикадировали шинами центральную улицу в самом ее начале и подожгли их. Все это начало гореть, и колонна оккупантов ушла на окружную дорогу.
Я все это снимал на видео и передавал на разные телеканалы — в Канаду, в Америку, в Грецию, и, конечно, в украинские СМИ. 28-го февраля пошла

новая российская колонна — уже напрямую через Бородянку, по центральной улице.

Фото: Сергей Килимник

Я в это время зашел к себе домой, у меня квартира на четвертом этаже по Центральной улице. Увидел из окна эту колонну, тихонько высунул руки с камерой в окно, начал снимать. И в этот момент из танка по моему дому выстрелили — в первое парадное попали. Посыпались стекла, меня немного засыпало. Я решил не спускаться вниз, а дождаться следующего дня. Закрылся в ванной и ждал , пока эти колонны танков пройдут.

Фото: Сергей Килимник

Они вот так и шли: одна башня повернула пушку направо, другая налево — и стреляли по домам, где-то на уровне 6-8 этажей. Просто тупо сносили населенный пункт. Никаких точек сопротивления в домах не было. Конечно, наши в первые дни дали отпор — на улице были подбитые и сожженые российские БМП. Я не знаю, кто там бился — тероборона или ВСУ, но они воевали на улице, не в домах.

«Мы падали на пол и молились Богу»

Я был один в квартире. Моя семья ушла 27-го к нашим знакомым в частный сектор. Бородянка так устроена: одна сплошная улица Центральная, на ней стоят многоэтажки, есть девятиэтажки, и моя квартира на этой улице. А в глубине, за Центральной, частный сектор. Моя супруга с сыном переместились туда, вглубь, к нашим знакомым. Мои отец и мать тоже живут в частном секторе, к ним переехала из многоэтажки моя сестра с мужем и двумя детьми. Было понятно, что раз колонна идет по Центральной, то могут стрелять в дома. Поэтому все старались покинуть эти многоэтажки.

Фото: Сергей Килимник

Ночь с 28 февраля на 1 марта я провел в квартире, в ванной. Было опасно выходить, я слышал взрывы, слышал, как идет тяжелая техника. Всю ночь стреляли.

Фото: Сергей Килимник

1 марта вышел на улицу и снял Бородянку: было очень много разрушений. Я отправил съемку и с 1 марта уже находился постоянно рядом с семьей: в доме у наших знакомых. 2 марта с обеда снова пошли колонны. В

тот день утром я вышел на улицу поснимать, дошел до Круга — там главная дорога разветвляется на несколько — на Макаров, на Киев, на Ковель. У меня дочь живет на этом Круге.

Фото: Сергей Килимник

Я смотрю, а Круга нет после авиаударов, все снесли. Хорошо, что дочь с моим внуком ушли к родственникам ее мужа в частный сектор. Квартиры их просто нет больше. Там же стояла подбитая техника российская. Я все снял и стал двигаться в сторону дома, где меня жена ждала. С обеда снова пошли колонны через Бородянку. А к вечеру раздался звук самолета, мы попадали все на пол, взрывной волной выбило стекло в хате. Было три таких авиаудара — один за другим. Каждый разом мы падали на пол и молились Богу.

Фото: Сергей Килимник

Тогда я принял решение вывозить семью. Перед отъездом увидел свою Центральную улицу: разрушенные девятиэтажки, кадыровцы ходят среди завалов, снимают видео для тиктока. Таким образом отчитываются, наверное. Кадыровцы шли

следом за первыми тремя колоннами. Эти колонны мимо нас прошли дальше: мосты в Ирпене и Буче были подорваны нашими военными, а российским колоннам, наверное, надо было попасть на Житомирскую трассу, у них был единственный путь через Бородянку на Макаров. На подходах к Макарову их накрывали, бои там шли сильные, слышно было.

Фото: Сергей Килимник

А кадыровцы остались в Бородянке. Сейчас Бородянка оккупирована. Там был интернат для пожилых инвалидов, кадыровцы 10 дней не давали вывезти оттуда 500 человек. Не давали гуманитарной колонне зайти туда — чтобы забрать этих стариков. Только недавно их вывезли.

Фото: Сергей Килимник

Погибшие в Бородянке, я думаю, есть, но я не знаю, сколько. Под этими многоэтажками, которые разрушены на Центральной, были подвалы, люди использовали их как бомбоубежища. Я не знаю, кто там жив, а кто нет. У нас есть чат бородянский, на

нем сейчас много людей ищут друг друга. Многие поуезжали, а многие пропали.

«У меня теперь нету домика. Ты мне построишь новый?»

Уезжали мы стихийно. Мама, моя сестра с мужем и двумя детьми выехали еще 1-го вечером. Я был уверен, что отец тоже с ними уехал. 2-го мы выехали на двух машинах: я с женой, наши сын и дочь, мой внук Егорка, муж дочери, мать и брат моей жены, наши друзья, у которых в доме мы жили с 27 февраля.

Доехали до Песковки, я стал звонить своей матери и сестре — не могу дозвониться. Было ясно, что они где-то в дороге, но связи не было. Позвонил кум из Бородянки, говорит: «Я тут твоего отца вижу во дворе». Оказалось, что отец не захотел уезжать с сестрой, хозяйство бросать. Я кума уговорил вывезти отца. Встретились мы все только под Винницей — тут родня наша живет, нас расселили по разным домам, как смогли. Отца я забрал к себе.

Фото: Сергей Килимник

Пока организовывал выезд семьи, не до того было, а в дороге меня накрыло — когда внук Егорка в машине сказал: «Дедушка, ты знаешь, что мой домик разрушила ракета? У меня теперь нету домика. Ты мне построишь новый?». Это был самый тяжелый

момент — видеть, что четырехлетний ребенок все понимает.

Фото: Сергей Килимник

Из Винницкой области люди уезжают [в Польшу]. Есть волонтеры, которые помогают. Например, по маршруту Львов — Одесса курсируют волонтеры, везут в Одессу гуманитарный груз, а оттуда вывозят людей. Моя дочь с Егоркой уехали во Львов, оттуда поедут через границу в Польшу. Это трудное решение, но неизвестно, как будут развиваться события в Винницкой области. На днях ракетой было повреждена телевизионная вышка. Телевидения здесь сейчас нет, все смотрят новости через интернет. Были взрывы и в самой Виннице, бомбили Винницкий аэропорт неделю назад, восемь ракет было выпущено. Пока из сел не уезжают, но мои знакомые, которые живут в Виннице, город покидают.

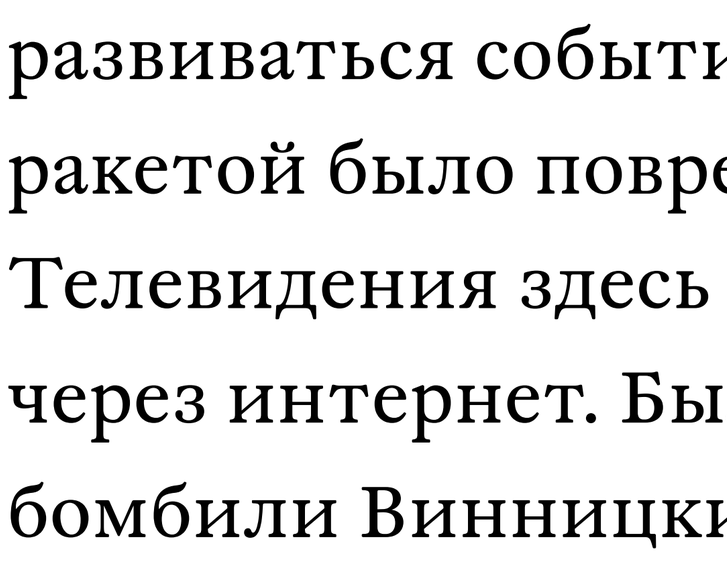

Фото: Сергей Килимник

Здесь все люди стали как одна семья. Нам приносят яйца, молоко, картошку. Кто чем может. У нас тут рядом трасса, машин много едет. Поначалу я шугался: кто-то хлопнет дверью, я бросаюсь к земле. Но сейчас

все прошло, люди с их теплым отношением очень помогают.

Фото: Сергей Килимник

В Немирове я общался с мэром, туда гуманитарный груз привозят — медикаменты, продукты. Они готовятся, что будут еще прибывать сюда люди, потому что поток беженцев не прекращается. Он уже не такой, как в первые две недели, но люди идут.

«Лишь единицы любят мир в себе»

Я испытываю ненависть ко всему русскому. Но с уважением отношусь к тем русским, кто сейчас нас поддерживает и помогает моей стране выстоять и победить в этой войне.

Фото: Сергей Килимник

У меня двоюродная сестра живет в России. Когда все это началось, я ей поскидывал фото Бородянки. А она молчит. И только на Прощенное воскресенье прислала мне какую-то картинку с фразой «Простите меня, если я чем-то вас обидела». И это — все.

Знаете, про искусство говорят: нужно не себя любить в искусстве, а искусство в себе. Не себя нужно любить в мире, а весь мир любить в себе. Может, у русского народа нет этого качества — они любят только себя в мире. Лишь единицы любят мир в себе.

А мы отстроим заново нашу Украину. Все буде Україна.

Редактор: Егор Сковорода